

цу только в силу факта обладания ею до совершения недействительной сделки независимо от законности и добросовестности владения. Недопустимо смешение реституции и виндикации (иными словами, вещно-правовых и обязательственно-правовых требований) как самостоятельных способов защиты гражданских прав, каждый из которых может применяться в строго определенных ситуациях. Ключевым моментом, порождающим исследуемую проблему, является положение п. 2 ст. 167 ГК, согласно которому заявить требование об установлении факта ничтожности сделки и применении последствий ее недействительности может любое заинтересованное лицо. Поэтому изначально представляется, что сторона недействительной сделки может предъявить реституционное, а не виндикационное требование к третьему лицу. Однако «заинтересованным» в смысле ст. 167 ГК может быть признан только субъект реституционного притязания. Это позволяет четко разграничить случаи применения виндикации и реституции. Собственник вправе выбирать, предъявлять ему реституционное требование к стороне по сделке, которая будет передавать ему денежную стоимость имущества, так как по следнее уже передано им третьему лицу, либо предъявлять виндикационное требование к третьему лицу.

Возможность предъявления требования о применении последствий недействительности ничтожной сделки в виде реституции ограничивается случаями, когда истец и ответчик, обладающий искомой вещью, являются сторонами сделки. Однако, исходя из вышесказанного, такое требование может быть предъявлено не только стороной по сделке, но и любым заинтересованным лицом. В этой связи собственником может быть последовательно заявлен ряд исков о признании недействительными ряда сделок или иск о признании недействительными одновременно всех сделок независимо от того, является ли он стороной данных сделок.

Представляется не рациональным признание сделок по отчуждению чужого имущества ничтожными исходя из смысла ст. 169 ГК на том основании, что они не соответствуют требованиям законодательства. К таким сделкам, на наш взгляд, следует применять правила ст. 175 ГК о последствиях ограничения полномочий на совершение сделки в виде признания ее судом недействительной по иску потерпевшей стороны, следовательно, такие сделки оспоримы.

С.С. Лосев, канд. юрид. наук, доцент
БГЭУ (Минск)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НЕРАСКРЫТОЙ ИНФОРМАЦИИ

Информация технического, организационного, коммерческого и иного подобного характера становится все более значимым объектом гражданского оборота, поскольку лицо, обладающее такой информаци-

ей, получает определенные конкурентные преимущества перед иными лицами, такой информацией не обладающими. Однако, несмотря на то, что отечественный законодатель признал охраняемую информацию самостоятельным объектом гражданских прав (ст. 128 ГК), действующее законодательство не позволяет обеспечить эффективную защиту интересов лиц, обладающих конфиденциальной информацией, имеющей значение для осуществления предпринимательской и иной хозяйственной деятельности.

Серьезную проблему представляет вопрос о месте охраняемой информации в системе объектов гражданских прав. Действующее законодательство, определяя объект правовой охраны, параллельно использует три понятия: охраняемая информация, определяемая как самостоятельный объект гражданских прав, нераскрытая информация — объект права интеллектуальной собственности, а также служебная и коммерческая тайна, определяемые в качестве формы охраны нераскрытой информации. При этом нераскрытая информация не только относится к объектам права интеллектуальной собственности, но и определяется как объект исключительного права (ст. 980 и 983 ГК). В таком подходе законодателя заложено сущностное противоречие, поскольку предоставляемая владельцу исключительного права монополия предполагает определение содержания этого права, т.е. тех действий, которые может совершать обладатель исключительного права и не могут совершать все иные лица. В отношении информации, содержание которой, по определению, не известно, это невозможно. Кроме того, сам законодатель в п. 4 ст. 1011 говорит о том, что лицо, самостоятельно и правомерно получившее сведения, составляющие содержание нераскрытой информации, вправе использовать эти сведения независимо от прав владельца соответствующей нераскрытой информации, что также не позволяет рассматривать права владельца нераскрытой информации в качестве обеспеченной законом монополии. Поэтому в доктрине гражданского права преобладающим становится представление о том, что в отношении нераскрытой информации может действовать лишь фактическая монополия ее владельца, выражающаяся в возможности устанавливать режим доступа к имеющимся у лица сведениям, неизвестным другим лицам, а также принимать юридически обеспеченные меры к недопущению их разглашения; соответственно, право на нераскрытую информацию должно определяться через законодательно установленный запрет на разглашение определенной информации без ведома ее владельца. Для определения содержания прав владельца нераскрытой информации можно использовать устоявшийся в отечественной правовой системе термин «коммерческая тайна», который будет обозначать не саму нераскрытую информацию, а ее правовой режим.

Решение обозначенных проблем видится в контексте подготовки проекта Закона Республики Беларусь «О коммерческой тайне», в котором предполагается законодательно закрепить четкую схему, при которой по-

нятие «нераскрытая информация» определяет, что охраняется и что выступает в качестве объекта возможных правоотношений, а понятие «коммерческая тайна» определяет то, каким образом нераскрытая информация охраняется. Также предполагается уточнить систему объектов гражданских прав и вместо упоминаемой в настоящее время охраняемой информации указать в качестве объекта гражданских прав нераскрытую информацию; это понятие будет охватывать все виды конфиденциальной информации, участвующей в гражданском обороте. Одновременно предлагается исключить нераскрытую информацию из числа объектов права интеллектуальной собственности, оставив в качестве такового только секреты производства (ноу-хау), также охраняемые в режиме коммерческой тайны.

*И.П. Манкевич, канд. юрид. наук, доцент
БГЭУ(Минск)*

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГЕННО-ИНЖЕНЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ

Конец XX — начало XXI в. ознаменованы переходом к новому этапу научно-технического прогресса. Для данного периода характерны быстрые темпы развития новых технологий, к которым относится и генная инженерия. Генетическая инженерия начинает активно воздействовать на развитие не только медицины, но и других сфер экономической деятельности, в том числе и сельского хозяйства. Именно с генной инженерией связывают возможности создания новых сортов сельскохозяйственных растений, устойчивых к различным заболеваниям и неблагоприятным факторам окружающей среды, выведение новых высокопродуктивных пород животных, создание высокоэффективных лекарственных средств для ветеринарной деятельности и т.д. Немаловажное значение проблема использования генетически-модифицированных организмов в аграрной сфере и полученных на их основе продуктов питания приобретает в контексте обеспечения продовольственной безопасности.

Вопрос о месте и характере правового регулирования отношений в области безопасности генной инженерии является дискуссионным. До настоящего времени эти проблемы не получили комплексного рассмотрения, развития и разрешения в правовой плоскости и юридической науке. Существующие юридические исследования в области генно-инженерной деятельности фрагментарны и освещают лишь отдельные аспекты. Проблемам правового обеспечения безопасности генно-инженерной деятельности для окружающей среды, ответственности за нарушение законодательства в области генно-инженерной деятельности, загрязнения